

Ганс Христиан Андерсен

Дюймовочка

Часть сборника
Большая хрестоматия для
начальной школы (сборник)

Ганс Христиан Андерсен
Дюймовочка

Серия «Хрестоматии для начальной школы»
Серия «Большая хрестоматия для начальной школы»
Серия «Зарубежная литература»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125538
Большая хрестоматия для начальной школы: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56619-8

Аннотация

«Жила на свете одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось иметь ребёнка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

– Мне очень хочется ребёнка; может, ты скажешь, где мне его взять?

– Ну что ж, горю твоему можно помочь! – ответила колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

– Спасибо тебе! – сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой...»

Ханс Кристиан Андерсен Дюймовочка

Жила на свете одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось иметь ребёнка, но она не знала, где его найти. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

– Мне очень хочется ребёнка; может, ты скажешь, где мне его взять?

– Ну что ж, горю твоему можно помочь! – ответила колдунья. – Вот тебе ячменное зерно; это не простое зерно, не такое, как те, что посеяны в поле или идут на корм курам. Посади это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

– Спасибо тебе! – сказала женщина, дала колдунье денег и пошла домой.

Дома она посадила в цветочный горшок ячменное зерно, и из него тотчас же вырос прекрасный большой цветок, похожий на тюльпан, только лепестки у него были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой красивый цветок! – воскликнула женщина и поцеловала прелестные, красные с жёлтым, лепестки; но не успела она их поцеловать, как в цветке что-то щёлкнуло, и он весь раскрылся, – теперь стало ясно, что это настоящий тюльпан. В его чашечке, на зелёном пестике, сидела хорошенькая крошечная девочка, ростом не больше дюйма. Поэтому её и назвали Дюймовочкой.

Блестящая лакированная скорлупа грецкого ореха служила ей колыбелькой, голубые фиалки – тюфяком, а лепесток розы – одеялом. Ночью она спала в колыбели, а днём играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой и положила в неё цветы так, что стебельки их были погружены в воду, а чашечки венком лежали по краям; на воду она пустила большой лепесток тюльпана, – на него часто садилась Дюймовочка и плавала от одного края тарелки до другого, два белых конских волоса заменяли ей вёсла. Всё это было прелестно! Ещё Дюймовочка умела петь, да таким нежным и красивым голосом, какого никто на свете не слыхивал.

Однажды ночью, когда она лежала в своей хорошенькой колыбели, в разбитое окно вскочила отвратительная жаба, большая и мокрая. Она прыгнула прямо на стол, где под лепестком розы спала Дюймовочка.

– Вот славная жена для моего сына! – квакнула жаба и, схватив скорлупку с девочкой, выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекал большой, широкий ручей; берега у него были топкие, болотистые, и здесь-то, в тине, и жила жаба со своим сыном. У! Какой он был гадкий и противный! Вылитая мать! «Коакс, коакс, брекке-ке-кекс!» – вот всё, что он мог проквакать, когда увидел прелестную девочку в ореховой скорлупе.

– Тише! Не то она проснётся и убежит от нас! – остановила его старая жаба. – Она ведь легче лебединого пуха. Посадим её на середину ручья, на широкий лист кувшинки, такой крошке он покажется целым островом. С листа она убежать не сможет, а мы тем временем приготовим в тине удобное гнёздышко, в котором вы будете жить.

В ручье росло много белых кувшинок, и их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Старая жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку с Дюймовочкой. Рано утром бедная крошка проснулась и, увидев, куда она попала, горько заплакала, – кругом, куда ни посмотришь, вода да вода, а берег чуть виднеется вдали.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками – ей хотелось порадовать будущую невестку. Покончив с приготовлениями к свадьбе, она поплыла со своим безобразным сыном к листу, на котором стояла Дюймовочка, чтобы

забрать её нарядную кровать и заранее поставить в спальню будущих новобрачных. Приблизившись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

– Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. И вы славно заживёте у нас в тине.

– Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! – проквакал сынок.

Жабы взяли нарядную кровать и куда-то уплыли с ней. А Дюймовочка сидела одна на зелёном листе и горько-горько плакала, – очень уж ей не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына. Маленькие рыбки, которые плавали в воде под листом, видели жабу и слышали её слова, и теперь они высунули головы из воды, чтобы поглядеть на Дюймовочку. Как только они её увидели, им стало очень грустно, что такой прелестной девочке придётся жить у гадкой жабы. «Так не бывать же этому!» – решили рыбки и, подплыв к листу кувшинки, на котором стояла Дюймовочка, перекусили его зелёный стебель. И вот лист с Дюймовочкой быстро поплыл по течению, – теперь жаба не могла бы догнать девочку.

Дюймовочка плыла всё дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на неё и пели: «Какая прелестная маленькая девочка!» А лист всё плыл да плыл, и наконец Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки всё время порхал красивый белый мотылёк и наконец опустился на её лист – уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не может её догнать, что всё вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото. Дюймовочка сняла с себя пояс, один его конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу – и лист поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев девочку, он обхватил её лапкой за тонкую талию и унёс на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк, – он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил её и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за прекрасного белого мотылька, которого привязала к листу, – она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрёт с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил её сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости – другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

– У неё только две ножки! Какое убожество!

– У неё даже нет усиков!

– Какая у неё тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! – твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принёс её на дерево; но, когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать её у себя: пусть идёт куда знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил её на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая, – даже майские жуки не захотели принять её к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Всё лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинёшенька в большом лесу. Она сплела себе из травинки кровать и подвесила её под лист лопуха, чтобы её не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень; приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в тёплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в тру-

бочку. Платице Дюймовочки изорвалось, и она всё время зябла; а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замёрзнуть. Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то ведь большие, а она была всего в дюйм ростом. Она завернулась было в сухой листок, но он разорвался, и бедняжка дрожала от холода.

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле; хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мёрзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как в густом лесу, и холод пронизывал её. Наконец она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь; амбары её были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стала у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зёрнышка, – вот уже два дня, как у неё крошки во рту не было.

– Ах ты, бедняжка! – сказала полевая мышь, она была добрая старуха. – Ну, иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыши, что та предложила:

– Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убирай мои комнаты и рассказывай мне сказки, – я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась; она всё делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

– Скоро у нас будут гости, – сказала однажды полевая мышь, – раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живёт ещё лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из чёрного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!

Но Дюймовочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа, – ведь он был крот. Вскоре он пришёл к полевой мыши с визитом, одетый в чёрную бархатную шубку.

– Он такой важный, учёный, богатый, – говорила полевая мышь, – дом его в двадцать раз больше моей норки; но он ненавидит солнце и цветы, считает их отвратительными, – он ведь никогда их не видел.

Мышь приказала Дюймовочке что-нибудь спеть; и она спела две песенки, да так мило, что крот, очарованный её прелестным голосом, сразу в неё влюбился. Но он не сказал ни слова – ведь он был мужчина степенный.

Немного погодя он прорыл длинный подземный ход от своего дома до жилья полевой мыши и разрешил ей и Дюймовочке гулять по этому коридору когда им вздумается. Однако он предупредил их, чтобы они не пугались мёртвой птицы – самой настоящей птицы, с перьями и клювом, – которая умерла, должно быть, совсем недавно, в начале зимы, и была похоронена как раз в том месте, где он прорыл свой ход.

Крот взял в зубы кусок гнилушки – она ведь светится в темноте – и пошёл вперёд, освещая длинный тёмный коридор. Когда они дошли до того места, где лежала мёртвая птица, крот ткнул мордой в земляной потолок и пробил в нём большую дыру, через которую в коридор проник дневной свет.

Дюймовочка увидела мёртвую ласточку: её красивые крылышки были крепко прижаты к телу, голову и лапки она втянула, и, прикрытые перьями, они не были видны; скорей всего, бедная птичка умерла от холода. Дюймовочке стало очень жалко её – ведь она так любила птичек, которые целое лето утешали её своими песенками. А крот толкнул мёртвую ласточку короткими лапами и сказал:

– Наконец-то перестала пищать! Нет ничего хуже, чем родиться птицей. Слава богу, детям моим не грозит эта участь. Птицы только и умеют что чирикать да щебетать, а придёт зима – что им делать, как не помирать с голоду.

– Вам хорошо говорить, вы человек благоразумный, – отозвалась полевая мышь. – Вполне с вами согласна: что проку от чириканья, когда придёт зима! Песнями сыт не будешь, а чириканьем не согреешься. Потому-то птицы и умирают от голода и холода. Впрочем, это судьба всех бедных, но благородных людей.

Дюймовочка не сказала ни слова; когда же крот с мышью повернулись спиной, она наклонилась над ласточкой, раздвинула её пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глазки.

«Может быть, это та самая ласточка, которая так чудесно пела летом, – подумала она. – Как много радости доставила она мне, милая красивая птичка!»

Потом крот опять заделал дыру, сквозь которую проникал дневной свет, и проводил своих дам домой. Ночью Дюймовочка никак не могла уснуть. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большое красивое одеяло и, войдя в коридор, укрыла мёртвую птичку, потом принесла из мышиной норки цветочных тычинок, лёгких, как вата, и обложила ими ласточку, чтобы ей не так холодно было лежать в сырой земле.

– Прощай, прелестная птичка! – сказала Дюймовочка. – Прощай и спасибо тебе за то, что ты так чудесно пела мне летом, когда деревья были ещё зелёные и нам ласково светило солнце!

Потом она склонила головку на грудь птички и вздрогнула, услышав: «Стук! Стук!» – это забилося сердце ласточки. Оказывается, она вовсе не умерла, только окоченела, а теперь отогрелась и ожила.

Осенью все ласточки улетают в тёплые края; и если одна из них опоздает улететь, то вскоре коченеет, как мёртвая, падает на землю, и её засыпает холодным снегом.

Дюймовочка дрожала от страха: ведь птичка была просто великаншей по сравнению с ней, такой крошкой, – но всё-таки собралась с духом, потеплей укутала ласточку и прикрыла ей голову листом мяты, которым всегда укрывалась сама.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Теперь бедняжка совсем ожила, но всё ещё была очень слаба и, чуть приоткрыв глаза, смотрела на Дюймовочку, которая стояла перед ней с гнилушкой в руках вместо фонарика.

– Спасибо тебе, милая крошка! – чирикнула больная ласточка. – Я так хорошо согрелась! Скоро совсем поправлюсь и опять полечу на солнышко.

– Ах, – сказала Дюймовочка, – сейчас на дворе мороз и снег идёт! Лежи лучше в тёплой постельке, а я буду за тобой ухаживать.

И она принесла ласточке воды в чашечке цветка. Птичка попила и рассказала Дюймовочке, как поранила себе крыло о терновый куст и потому не смогла улететь в тёплые края вместе с другими ласточками. Когда настали холода, она окоченела и упала на землю, – больше ничего она не помнила и не знала, как попала сюда.

Всю зиму она просидела в подземном коридоре, а Дюймовочка ухаживала за ней. Она очень привязалась к птичке. Полевая мышь и крот ни о чём не догадывались: они чувствовали отвращение к ласточке и не ходили туда, где она лежала.

Как только настала весна и солнце пригрело землю, ласточка простилась с Дюймовочкой. Девочка сделала отверстие в потолке – там, где его заделал крот, – солнышко заглянуло в тёмный коридор, и ласточка спросила, не хочет ли Дюймовочка сесть ей на спину и полететь с нею в зелёный лес. Но девочка не захотела покинуть старую полевую мышь, зная, что это очень огорчит её.

– Нет, я не могу лететь с тобой, – сказала она ласточке.

– Прощай, прощай, добрая, прелестная девочка! – прощбетала ласточка и вылетела на волю.

Дюймовочка поглядела ей вслед, и глаза её наполнились слезами, – уж очень она любила бедную птичку.

– Кви-вить! Кви-вить! – прочирикала птичка и улетела в зелёный лес.

Дюймовочке было очень грустно, ведь её никогда не пускали погреться на солнышке, а хлеб, который посеяли на поле вокруг норки полевой мыши, так разросся, что казался малютке огромным лесом.

– Ты теперь невеста, Дюймовочка, – сказала однажды мышь. – К тебе посватался наш сосед. Какое тебе счастье выпало, бедняжка! Теперь придётся тебе шить приданое – и шерстяные платья, и бельё; надо, чтобы у тебя всего было вдоволь, когда ты будешь женой крота.

И Дюймовочке пришлось прясть целыми днями; а мышь наняла четырёх пауков-ткачей, и они ткали круглые сутки. Крот каждый вечер приходил в гости и всё болтал о том, что скоро-де конец лету и солнце перестанет палить; это хорошо – и без того земля стала твёрдой, как камень. А когда кончится лето, они сыграют свадьбу.

Но Дюймовочка вовсе этому не радовалась, она ни капельки не любила скучного крота. Каждое утро на восходе солнца и каждый вечер на закате она выскользывала на порог мышиной норки и, когда ветер раздвигал колосья, видела кусочек неба. Дюймовочка думала тогда: «Как хорошо и светло там, на воле!» И ей очень хотелось увидеть милую ласточку. Но птички нигде не было видно; наверное, она улетела далеко-далеко, в зелёный лес.

Когда наступила осень, всё приданое Дюймовочки было готово.

– Свадьба твоя будет через месяц, – заявила ей как-то полевая мышь.

Дюймовочка заплакала и сказала, что не хочет выходить за скучного крота.

– Глупости! – отрезала мышь. – Перестань упрямиться, а не то я укушу тебя. У тебя будет прекрасный муж! Такой чёрной бархатной шубы у самой королевы нету. Все закрома и подвалы у него полным-полны. Бога надо благодарить за такого мужа!

И вот настал день свадьбы. Крот пришёл за невестой, чтобы увести её к себе глубоко под землю, куда не проникал свет ясного солнышка, потому что крот его терпеть не мог. Тяжело было бедной девочке навсегда распрощаться с ясным солнышком, и она с разрешения полевой мыши вышла полюбоваться им в последний раз.

– Прощай, красное солнышко! – сказала Дюймовочка, стоя на пороге норки, и протянула вверх руки. Немного погодя она вышла на поле; хлеб здесь был уже убран, из земли торчали только сухие соломинки. – Прощай и ты, – сказала она и обняла красный цветочек, который уцелел случайно. – Поклонись от меня милой ласточке, если увидишь её.

– Кви-вить, кви-вить! – послышалось вдруг где-то в вышине.

Дюймовочка подняла глаза и увидела пролетающую мимо ласточку. Птичка очень обрадовалась, узнав Дюймовочку, а та, обливаясь слезами, рассказала, как ей не хочется выходить замуж за уродливого крота и жить под землёй, куда никогда не заглядывает солнышко.

– Наступает холодная зима, – сказала ласточка. – Я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой подальше от противного крота и его тёмного подземелья. Мы полетим над горами в жаркие страны, где солнце светит ярче, чем здесь, где круглый год продолжается лето и цветут чудесные цветы. Полетим со мной, милая Дюймовочка! Ты ведь спасла мне жизнь, когда я замерзала в тёмной холодной земле.

– Да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка.

Она уселась птичке на спину, упёрлась ножками в её распротёртые крылья и привязала себя поясом к самому большому перу. Ласточка стрелой взвилась в воздух и полетела над лесом и морем, над высокими снежными горами. Дюймовочке стало очень холодно, и она зарылась в тёплые перья ласточки, высунув лишь головку, чтобы полюбоваться красотой земли, над которой они летели.

Но вот и тёплые края. Солнце здесь светило гораздо ярче, небо было в два раза выше, чем у нас, а вдоль изгородей рос чудесный зелёный и чёрный виноград. В лесах зрели апельсины и лимоны, пахло миртами и мятой, а по дорожкам бегали весёлые ребяташки и ловили

больших пёстрых бабочек. Но ласточка летела всё дальше, и места, над которыми она летела теперь, были ещё красивее. На берегу голубого озера стоял, сверкая белым мрамором, старинный замок, окружённый пышными зелёными деревьями. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а на самом верху, под крышей, лепились гнёзда ласточек. В одном из них и жила та ласточка, которая сейчас несла Дюймовочку.

– Вот мой дом! – сказала она. – А ты выбери себе внизу самый красивый цветок. Я отнесу тебя туда, где он растёт, и ты поселишься в нём; там тебе будет уютно.

– Ах, как хорошо! – воскликнула девочка и захлопала крошечными ручонками.

Внизу лежала большая разбитая мраморная колонна; падая на землю, она раскололась на три куска, и между обломками выросли чудесные крупные белые цветы. Ласточка посадила Дюймовочку на широкий лепесток одного цветка. Но что за чудо: в чашечке цветка сидел крошечный человечек, ростом не выше Дюймовочки и совсем прозрачный, – казалось, он был из хрусталя! На голове у него была красивая золотая корона, а за плечами сверкали блестящие крылья. Это был эльф. Такие же эльфы – юноши или девушки – жили в каждом цветке, а этот был королевский сын.

– Боже, как он красив! – шепнула Дюймовочка ласточке.

Та подлетела к цветку, и маленький принц очень испугался – ведь по сравнению с ней он был совсем крошечный и слабый. Но, увидев Дюймовочку, он пришёл в восторг, – такой хорошенькой девушки он ещё никогда не видел. И вот он снял с себя корону и надел её на Дюймовочку, потом спросил, как её зовут и не хочет ли она выйти за него замуж и сделаться царицей цветов? Вот это был настоящий жених! Не то что сын жабы или крот в бархатной шубе. Поэтому Дюймовочка дала согласие красивому принцу. Из всех цветов вылетели эльфы – юноши и девушки, такие прелестные, что Дюймовочка никак не могла на них налюбоваться. Каждый преподнёс невесте подарок, и больше всего ей понравились прозрачные крылья большой стрекозы. Их надели Дюймовочке на спину, и теперь она тоже могла перелетать с цветка на цветок. То-то была радость! Ласточка сидела высоко в своём гнезде. Её попросили спеть свадебную песню, и она старалась петь как можно лучше, но втайне всё-таки грустила, потому что любила Дюймовочку и не хотела с ней расставаться.

– Тебя больше не будут звать Дюймовочкой, – сказал невесте эльф. – Это некрасивое имя, а ты такая хорошенькая! Тебя будут звать Майей.

– Прощай, прощай! – прошептала ласточка и с тяжёлым сердцем улетела из тёплых стран на родину, в далёкую Данию. Там у неё было гнёздышко, как раз над окном того человека, который умеет рассказывать сказки. Он услышал её «кви-вить, кви-вить», а от него и мы узнали всю эту историю.

